

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ И ЗАБАЙКАЛЬЯ

Е.В. Карпов

ИЗМЕНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ УКЛАДЕ, СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ЭВЕНКОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ПЕРИОД ИХ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

На громадной территории Забайкалья, равной 250 тыс. кв. км., издавна проживали две народности – эвенки и буряты. Ко времени установления границ с Китаем, после подписания Нерчинского 1689 г. и Кяхтинского 1727 г. договоров, имелось уже значительное эвенкийское население. Эвенкийские роды насчитывали по 300 – 600 и больше душ обоего пола.¹

Во главе эвенкийских родов стояли князья Гантимуровы. В XVII в. один из князей кочевал во главе нескольких эвенкийских родов Нерчинска, а затем, приняв китайское подданство, кочевал по реке Нонни около Цицикара. В 1667 г. вместе со своим Дулигатским родом Гантимур вернулся в пределы России и участвовал в охране Даурии от набегов монголов. Гантимур был первым тунгусом, добровольно принявшим православную веру. Вместе с сыном и внуком он поехал в Москву представляться двору, но по дороге умер. Его потомки были возведены в дворянское сословие и управляли Нерчинскими тунгусами по праву наследования вплоть до октября 1917 г.²

В материалах В.А. Туголукова приводятся данные о том, что с приходом в Сибирь русские застали у эвенков общество, не похожее на их собственное. У эвенков не было царя и бояр, дворян и купцов, не было крепостных. У них не было городов и постоянных селений, дворцов и тюрем. Эвенки не жили в избах, не сеяли хлеб, не «сидели» вино, не ткали холстов.³ Но это не было общество, распыленное на отдельные человеческие единицы и семьи. У эвенков существовала организация, которая их объединяла и сплачивала, которой были присущи свои порядки и свои моральные устои. Русские правильно поняли характер организации эвенкийского общества и нашли для неё определяющие термины: «род», «родовое управление».

Важнейшую отрасль эвенкийского традиционного хозяйства составляла пушная охота. Она приобрела особое значение. Эвенки получали от меховой торговли необходимые товары, прежде всего железо,

---

Карпов Евгений Васильевич – заместитель директора ЧИ БГУЭП, кандидат филологических наук.

изделия из него, украшения. Техника металлообработки была известна эвенкам давно, они ее переняли от южных степных соседей. Однако добывать железо из руды эвенки не умели. Поэтому получение железа и железных изделий, оружия, посуды и металлических украшений путем меновой торговли было важной статьей их экономики.

Н.Н. Степанов на основании документов XVII в. рисует яркую картину обменной торговли эвенков с соседями – якутами, бурятами, а через них и с Китаем.⁴ Иногда торговля велась даже на продовольственные припасы: просо, хлеб, скот. Получали эвенки от бурят и серебро, которое те выменивали у монголов на соболей, монголы же получали его из пограничных с Китаем районов. Тесные связи торгового и даннического характера существовали у эвенков с монголами.

Таким образом, пушная торговля в XVII в. была у эвенков развита значительно. Пушнина даже стала своего рода всеобщим эквивалентом.⁵ Не случайно и сбор ясака с эвенков русскими служилыми людьми первое время носил в определенной степени характер примитивного обмена. Привозя ясак, эвенки металы пушнину в окно приказной избы, оттуда им выбрасывали железные котлы или бисер и одскуп (крупный бисер разного цвета), или другие товары.⁶

Все источники, изложенные у В.В. Карлова, бесспорно свидетельствуют о заметном месте пушной охоты и обмена в экономике традиционного хозяйства эвенков, сложившегося задолго до прихода русских в Сибирь. Очевидно, что пушная охота выводила эвенкийское хозяйство за рамки натурального уклада, связывая его с экономикой соседних этнических групп.⁷

Вместе с тем первые записи об уплате эвенками ясака в русскую казну буквально пестрят сведениями о забранных в довольно большом количестве шуб собольих и бобровых «рысьих парк», «соболишек ошейных», подволоков бобровых, выдранных и даже соболиных, «песцовых парк». Драгоценную пушнину эвенки широко использовали для шитья зимней одежды и даже для подбивки лыж. Все эти факты свидетельствуют о том, что пушная охота и обмен пушнины еще не стали в экономике эвенков решающими, они удовлетворяли потребности эвенков лишь по мере надобности и довольно эпизодически.

Особенно интенсивное развитие товарных отношений у эвенков связано с проникновением частной торговли, начавшейся уже в XVII в. Однако более регулярные обменные отношения между эвенками и русскими завязались в конце XVII и в XVIII вв., с началом русской крестьянской колонизации северных районов Сибири, где сложилось постоянное русское население.⁸

С присоединением Забайкалья к России основной формой эксплуатации коренного населения в XVII в. был ясак. Нормы его сбора

никто не устанавливал, поэтому всецело господствовал произвол воевод и сборщиков. Ясак взыскивался с мужской души в размере от 5 до 10 соболей и выше. Подростки также несли ясачную повинность.

Новые земли были разделены на «ясачные волости», население переписывалось и вносилось в «ясачные» книги. Кроме ясака население платило государству и воеводские поминки (подарки). Вначале они были добровольными, а затем превратились в обязательный дополнительный сбор, который по своим размерам почти не отличался от размеров ясака. Наряду с официальными, узаконенными поборами негласно, но беззастенчиво производили поборы «в почесть поклонных соболей» воеводы, их вымогательствам не было предела.

Ясак собирался главным образом в октябре – декабре, когда эвенки возвращались с промыслов и несколькими родами (цугланом) собирались забайкальской администрацией. На цуглунах открывалась ярмарка. Спаивая эвенков, обманывая предоставлением долгосрочного кредита, купцы превращали их в своих неоплатных должников.⁹

Хищническая эксплуатация и обман усугублялись еще и тем, что с наплывом русского населения охотничьи угодья сокращались, колонистами выжигался и вырубался лес, пушной зверь отдалялся. Началось массовое вымирание коренного населения. Московское правительство, обеспокоенное сокращением ясачных людей и падением доходов в казну, предписывало действовать на ясачных «лаской», а не «жестокостью», запретило их обращать в рабство (за исключением взятых в бою), запрещало обращать в христианство, так как крещеные выходили из ясачных и причислялись к русскому населению. Смертная казнь допускалась только с санкции тобольских властей. Все эти предписания не могли внести улучшений в жизнь сибирских народов, к тому же местные власти зачастую игнорировали указания из Москвы.

После введения ясачных сборов эвенки обрели возможность получать некоторые иноземные вещи без посредства родственников и соседских связей, то есть каждый охотник непосредственно мог получить их из первых рук, лично. Даже подростков, которые начинали платить ясак, наделяли казенными «подарками» (соответственно сданному в ясак числу соболей). Приобретая металл и изделия из него, эвенки легче воспринимали даннические отношения с казной.

Обменный характер уплаты ясака в казну с получением от неё «подарков», установленный в XVII в., сохранялся вплоть до самой отмены ясака Советской властью (с годами менялся лишь ассортимент «подарков»).

Однако ясачный сбор не удовлетворял потребности казны в «мягкой рухляди». Правительство помимо сбора ясака вело с аборигенами Сибири и непосредственную меновую торговлю. С этой целью в

уездных городах при воеводских приказных избах была заведена специальная «товарная казна». Если после сбора ясака у населения оставалась еще хорошая пушнина, ее можно было обменивать на товары из этой казны.

Важной статьей дохода казны были также «поминки», под которыми подразумевалось «добровольное» дарение пушнины московским государям. На практике же добровольность становилась фикцией. Не сданный в казну поминочный соболь записывался в «доимку» и числился за плательщиком ясака иногда многие годы до тех пор, пока не вносился платеж.

К концу XVIII в. царское правительство отказалось от политики ограничения частной торговли, так как она изжила себя. Например, в 1762 г. было отменено хождение казенных караванов с пушниной в Пекин.¹⁰ С этих пор торговля с Китаем перешла к частным лицам. Прекратив политику монопольной торговли мехами, царское правительство вскоре вообще перестало вмешиваться в торговые дела частных лиц, оставив за собой лишь право взимания ясака с коренных обитателей Сибири.

Ясачная и торговая политика царизма в Сибири стала первым серьезным фактором, который внес элементы разложения и трансформации в экономику и общественные связи аборигенного населения. Этому способствовала система ясаков и «подарков», а также меновая торговля казны с ясачными людьми.

Частная торговля, несмотря на запреты властей, интенсивно проникала в местную экономику. Усиление пушной охоты требовало от каждого плательщика ясака повышенных затрат труда, которые вместе с быстрым выпромысливанием охотничьих угодий все более возрастали. Основная отрасль промыслового хозяйства, обеспечивающая эвенков пищей, мясная охота отодвигалась на второй план. В связи с необходимостью интенсивных перекочевок с места на место увеличивалось значение оленного транспорта. В то же время в случае неудачи в промыслах домашних оленей убивали на мясо. По этой причине в XVII – XVIII вв. у ясачных людей произошло также существенное сокращение поголовья оленей.

До прихода русских голодающие семьи эвенков вынуждены были полагаться на помощь своих богатых и удачливых соплеменников или инонародных соседей. В местах, где эвенки граничили с якутами и бурятами, они выменивали у них пищу (хлеб, скот) на пушнину, а иногда даже жили некоторое время в качестве работников.¹¹

С возрастанием роли пушной торговли эпизодическая необходимость в продуктах, получаемых извне, стала постоянной. Так, на рубеже XVII – XVIII вв. товарные отношения стали серьезно затрагивать

экономику эвенкийского населения Сибири. Обмен с казной и служилыми людьми с его непостоянным эпизодическим характером не мог полностью обеспечить эвенкийское хозяйство необходимыми товарами. Торговцами, снабжавшими эвенков пищей и боеприпасами, стали русские крестьяне, которые начали колонизацию южных районов Сибири.

К концу XVIII в. торговые связи эвенков с русскими крестьянами еще больше окрепли и становились традиционными. Отдельные зажиточные русские крестьяне и якуты быстро наживались на выгодной скупке меха у эвенков и перепродаже его в торговых пунктах купцам. Впоследствии они стали специализироваться на скупке и перепродаже пушнины, превратившись в особую категорию купцов.

Попад в условия жесткой зависимости от рынка, эвенкийское комплексное хозяйство претерпело существенные изменения, связанные с пушной охотой и ориентацией на покупные товары. Если раньше пушная охота не имела существенного значения в хозяйстве, то теперь она превратилась в ту отрасль, которой уделялось основное внимание. Жизнь эвенков осенью и весной в основном определялась потребностями, связанными с пушной охотой. Эвенки стали даже завозить в места пушного промысла определяемые заранее по естественным приметам в природе необходимые продукты и запасы. Охота на крупного мясного зверя, продолжая сохранять свое значение для эвенков как источник мясной пищи, отступила на второй план, стала по отношению к пушной охоте подчиненным, хотя и излюбленным занятием. В связи с увеличением товарности пушной охоты эвенки заимствовали от русских многие интенсивные способы добычи пушного зверя, различного типа ловушки на соболя, белку, песца, капканы и т.д.

Вместе с развитием торговли и товарных отношений наметились новые черты и в развитии оленеводства у таежных эвенков. Почти в каждой семье было уже по 30 – 50 оленей, но не больше, так как большое количество создавало препятствия для успешной охоты. Однако появлялись зажиточные эвенкийские семьи, которые занимались торговлей и одновременно имели большие стада.

По мере своего выделения из массы охотников крупные оленеводы очень скоро стали выполнять функции торговых посредников-контрагентов между рынком и рядовой массой производителей-добытчиков пушнины. С особой силой товарно-денежные отношения в пушной торговле стали проявляться в XIX в. Коренное население испытывало нищету, голод, началось его массовое вымирание. В 1801 г. эвенков насчитывалось 8410 – прирост по сравнению с 1800 г. составил 1,3%, в 1802 году – 0,8%, а в 1803 году – всего 0,7%.¹²

Одновременно эвенкийское население лишалось материальной основы для ведения кочевого и особенно оседлого хозяйства. С расширением русской колонизации сократились кочевья и места охоты, эвенков стали теснить на север, их скот в большинстве своем был продан за недоимки, частью забит во время голодовок, частью пал от эпизоотий. По данным Урульгинской степной думы с 1814 г. в шести эвенкийских родах, насчитывавших приблизительно 1608 душ, имелось скота: лошадей 275, коров с телятами 273, овец и коз 459. Обладателями этого скота являлись всего 85 человек, остальные были без скота. Та же картина была и в других родах. К 1810 г. оседлых эвенков насчиталось только 600 душ.¹³

Как отмечает В.В. Карелов, за три столетия после вхождения Сибири в состав Российского государства под воздействие российской экономики и при усиливавшемся влиянии торгового капитала элементы рыночных отношений довольно прочно внедрялись в производство у эвенков. Это существенно нарушило сохранявшееся в традиционном хозяйственном комплексе равновесие между отдельными, в основном натуральными по формам потребления, его отраслям. На одно из первых мест выступили пушная охота и связанный с ней торговый обмен. Усилилось и значение оленного транспорта. Концентрация крупных стад в руках зажиточной верхушки послужила основой для развития зачатков имущественного неравенства, существовавших до освоения русскими Сибири, привела к углублению имущественной дифференциации и становлению отношений эксплуатации и кабальной зависимости. Результатом таких экономических сдвигов стала перестройка системы связей между людьми, базировавшейся в традиционном обществе эвенков в основном на личностных отношениях.¹⁴

К рубежу XX в. общинные и родственные связи эвенков в целом подвергались сильному разлагающему воздействию товарных отношений и имущественного расслоения. Эти процессы привели к ослаблению личностных форм связей внутри общины и укреплению вещных отношений. Родственные связи внутри общины превратились в территориально-соседскую. Род продолжал сохранять только генеалогическое значение, все более превращаясь в организацию с «нарушенной кровной связью», состоящую из людей, рассеянных на громадном пространстве и перемешанных с иными по происхождению группами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. — М., 1969. — С. 103 — 132.

2. Кирюхин Н. Эвенки и буряты до русского завоевания. // Забайкальский рабочий. – 1941. – 9 февраля.
3. Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. – М., 1969, – С. 117.
4. Степанов Н.Н. Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и Охотском побережье в XVII в. УЗЛГУСин., вып.5. – Л., 1939. – С. 50 – 62.
5. Там же. – С. 79.
6. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири. Научные труды, т. III, ч. 2. – М., 1955. – С. 75 – 77.
7. Карлов В.В. Эвенки в XVII – начале XX в. – М., 1982. – С. 20 – 22.
8. Карлов В.В. Хозяйственный уклад и социальная структура эвенков Енисейско-Ленского междуречья XVII – начала XX веков. – М., 1970. – С. 15.
9. Берзинь С.В. В северной тайге. // Забайкальский рабочий. – 1940. – 9 февраля.
10. ДАИ, т. V, СПб., 1955, д. 57, л. 320.
11. ДАИ, т. 11, №89. л. 12 – 20.
12. Облархив УНКВД, фонд Урульгинской степной думы, л. 3 – 8.
13. Там же, л. 6.
14. Карлов В.В. Эвенки в XVII – начале XX в. - М., 1982. – С. 122.